

В.И. Сарияниди

ДВОРЕЦ СЕВЕРНОГО ГОНУРА

Древний город, известный теперь как «поселение Гонур», был основан колонистами бассейна древней дельты р. Мургаб и являлся, вероятно, политической столицей страны Маргуш, упоминаемой в знаменитой Бехистунской надписи. Страна Маргуш, или античная Маргиана, была расположена на востоке современного Туркменистана и заселена как местными, южнотуркменскими, так и еще в большей степени пришлыми с далекого запада северомесопотамскими племенами. Пришельцы по достоинству оценили плодородные земли и изобилие воды в древней дельте Мургаба, где к концу III тыс. до н.э. сложился еще один центр культуры древневосточного типа.

В центре будущего города сразу, по готовому плану, пришельцы возвели кремль, большую часть которого занимал монументальный дворец, к северу и востоку от которого (в пределах кремля) располагались здания жилого и административного назначения. Еще до возведения кремля на этом месте имелись какие-то незначительные сооружения (возможно, временная резиденция местного правителя), а в восточной части кремля сохранилась круглая, диаметром около 7 м, аккуратная выложенная изнутри кирпичной кладкой. Остатки древнейших стен прослежены только в восточной части кремля, но большая часть его стен (в том числе и стены дворца) покоится непосредственно на материке, а не на культурных наслоениях.

На месте будущего кремля поверхность на площади около полутора гектаров еще до строительства была выровнена и выложена вымосткой из одного ряда кирпича, поверх которой была нанесена глиняная обмазка толщиной до 10 см. И только затем на этом месте стали возводить стены сооружений. Судя по всему, сначала были возведены внутренние здания и лишь затем внешние, оборонительные стены, окружившие весь комплекс кремлевских строений. В плане кремль представляет собой своеобразный параллелограмм, что скорее всего объясняется стремлением древних архитекторов сэкономить строительные материалы и сократить трудовые затраты, поэтому они, приспособившись к рельефу местности, сместили направление внешних стен и, в первую очередь, южной оборонительной стены. С внешней стороны, по периметру всех четырех стен, оборонительная стена имеет по четыре прямоугольных башни с дополненными четырьмя угловыми башнями. Между каждой парой таких башен располагалось по одному въезду, причем главным находился в центре северной стены и перед ним позднее возвели предвратное сооружение, что должно было усилить обороноспособность самой крепости. Видимо, тогда же дополнительным кирпичным футляром были обнесены снаружи все оборонительные стены кремля.

В каждой башне имелись бытовые, кухонные очаги, служившие как для отопления, так и приготовления пищи, что свидетельствует о постоянном присутствии солдат гарнизона кремля. Все башни имели проходы, ведущие в обводной коридор, который со всех четырех сторон охватывал внутреннюю застройку кремля.

Как теперь становится очевидным, кремль вместе с дворцом был построен в самый первый период основания города, причем одновременно в 200 м к западу от него возникает некрополь, площадь которого со временем превысила 10 гектаров. По проведению нескольких столетий к югу от города, на расстоянии около 250 м, основывается теменос, или священный участок, с небольшим храмом внутри (рис. 1). Предварительные итоги археологических раскопок кремля и дворца уже опубликованы¹, так что в настоящей статье приводятся окончательные результаты работ, полученные после их полного завершения и позволившие уточнить некоторые старые выводы и представления.

¹ Sarianidi V. Margiana and Protozoroastrism. Athens. 1998. P. 83–89.

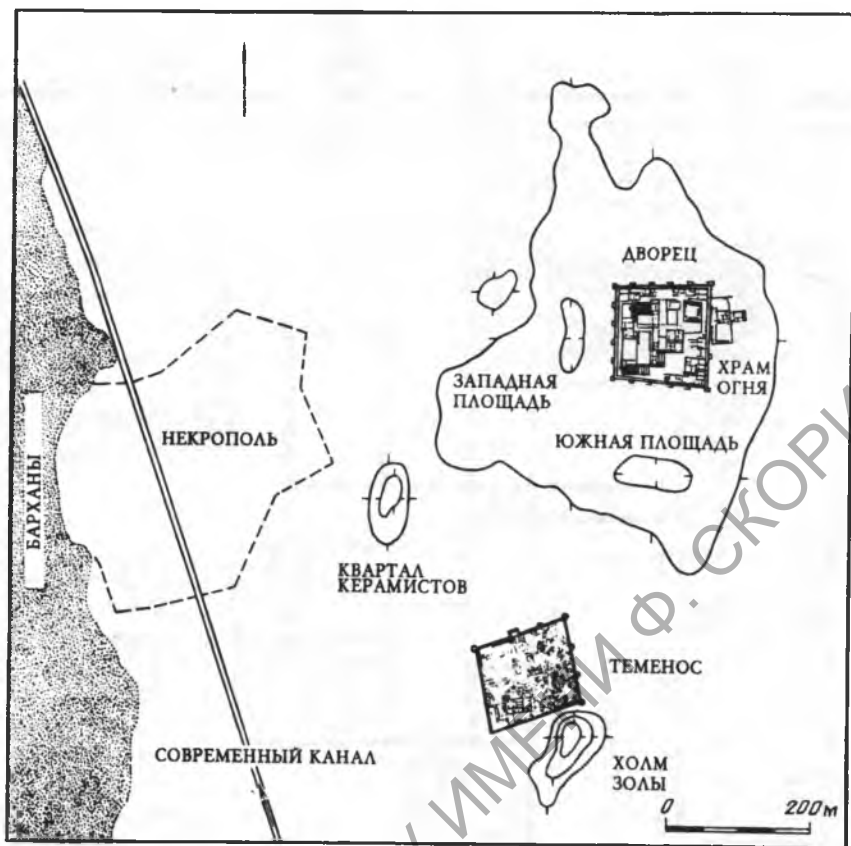

Рис. 1. Ситуационный план

Если представить путника, который тогда, свыше четырех тысяч лет назад, приближался к кремлю с северной стороны, то перед его взором встали бы высокие глухие стены кремля со сквозными стреловидными амбразурами и выступающими вперед боевыми башнями. По середине каждой из четырех оборонительных стен кремля располагались чрезвычайно узкие въезды, через которые только и можно было попасть внутрь кремля и на территорию двора (рис. 2). Пройдя внутрь кремля через центральные северные ворота, путник попадал на своеобразную «дворцовую площадь», по обе стороны которой располагались обычные жилые и хозяйственные помещения, где могли проживать дворцовые служки и солдаты гарнизона. В северо-западной части этого «жилого квартала» (пом. 124–126, 138, 141, 247, 255, 257–258, 313–316, 318, 326), среди его помещений, помимо обычных, бытовых, имеются и особые (пом. 255, 257) – с нишами в виде «слепых окон», которые указывают скорее всего на их культовое назначение: здесь могли совершать ритуальные обряды жившие тут люди. Дополнительным доказательством тому служит сложной конструкции двухкамерный очаг в пом. 257; такие в Маргиане использовались для приготовления жертвенного мяса. Помещения северо-восточной части этого «жилого квартала» (пом. 324, 327, 375, 378, 379, 389, 390, 408, 406–409, 412, 413) имели четыре прохода в прилегающую часть обводного коридора, – возможно, это указание на то, что здесь размещался гарнизон. Следует специально отметить, что оба этих жилых микрокомплекса были отделены от всего северного фаса двора своеобразной «улицей» (пом. 19, 20, 454 и 455). Это лишний раз подчеркивает обособленность дворцового комплекса в системе всей застройки кремля.

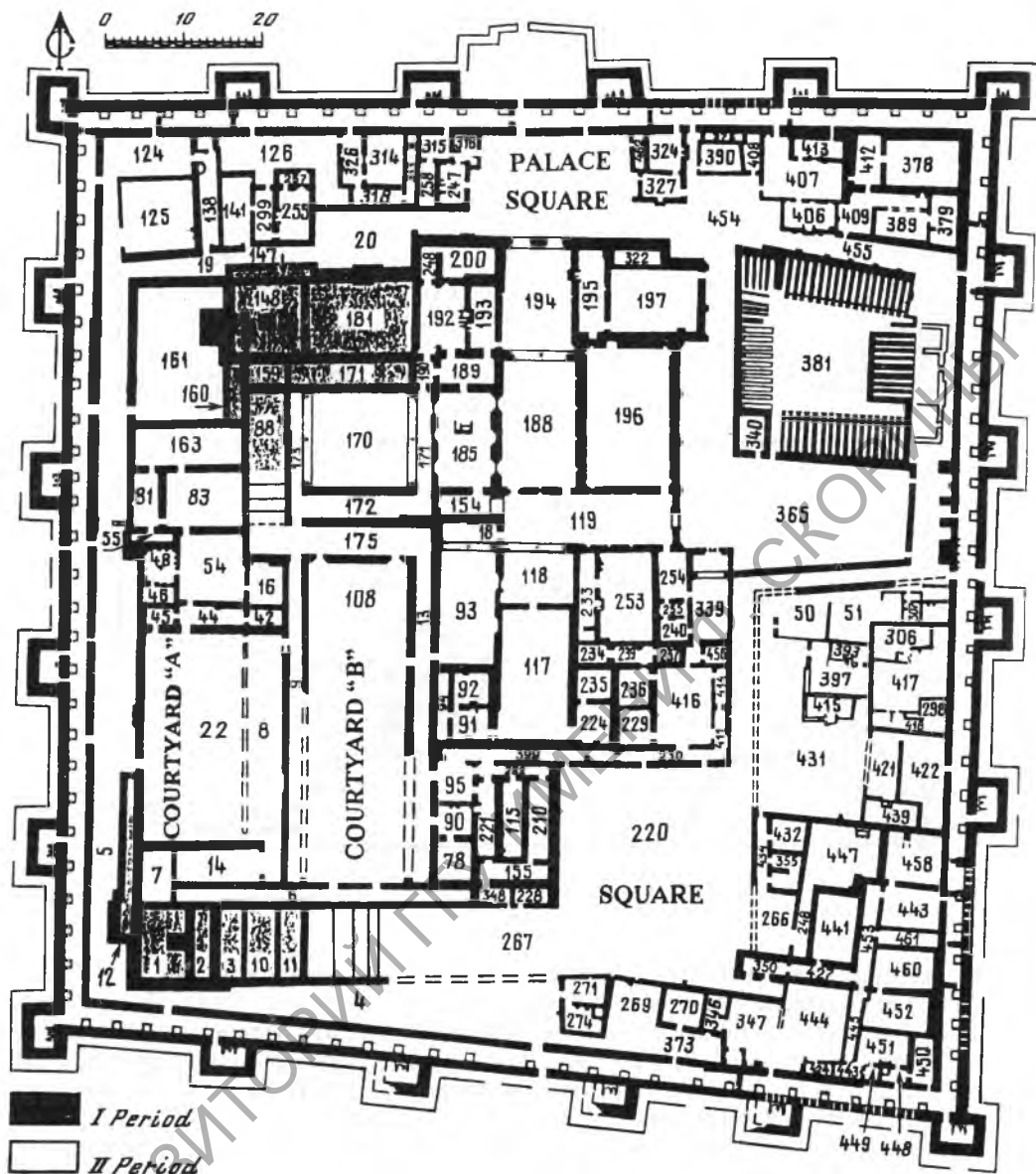

Рис. 2. Общий план дворца

Прямо перед глазами путника, стоявшего на «дворцовой площади», высился глухой передний фасад дворца, по середине которого располагались своеобразные пропилены с двойным проходом и фигурно оформленными зубчатями, или «раскрепованными углами», близко напоминающими пропилены знаменитого Кносского дворца на Крите (рис. 3), что не оставляет сомнений в их сходстве и, вероятно, общем происхождении².

Хотя предполагаемый путник, стоя на «дворцовой площади», видел многое, чего никогда не увидим мы, он мог не знать, что под его ногами скрыта достаточно сложная дренажная система, состоящая из вставленных друг в друга керамических труб, при помощи которой дождевая вода, стекавшая с крыши дворца, выводилась наружу за

² Evans A. Palace of Minos at Knossos. L., 1928. V. V. Pt II. Fig. 118.

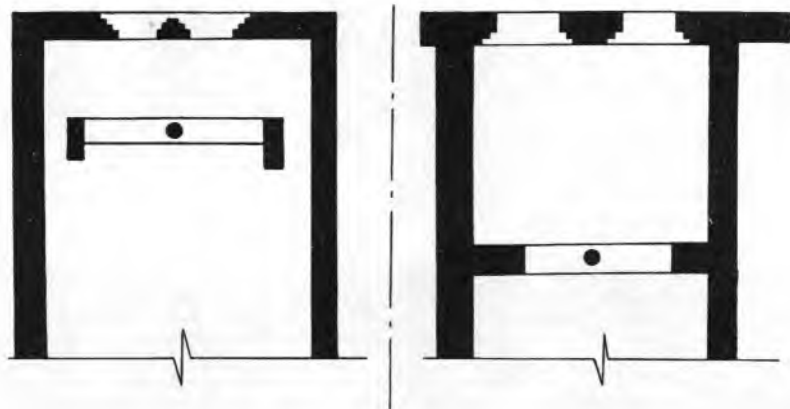

Рис. 3. Сравнительная таблица Пропилей кносского и гонурского дворцов

пределы кремля (рис. 4). Через двойной проход пропилей путник попадал в официальную часть дворца, или «аудиенц-зал» (рис. 5), состоявший из двух огромных залов (пом. 188 и 194), соединенных между собой чрезвычайно широким проходом с невысоким порогом и деревянным столбом в центре. Аналогичные проходы с такими же порогами известны в древних дворцах, например, в Алалахе или Угарите³, а также на других монументальных памятниках древней Сирии. Доказано, что этот архитектурный прием не имеет местных корней и скорее всего отражает влияние древнегреческой монументальной архитектуры на северосирийскую и, как теперь можно предполагать, на маргианскую. В сирийских дворцах такие необычно широкие проходы с невысокими порогами и столбами в центре делались для устройства двойных, двустворчатых дверей, причем только в помещениях особого, официального и церемониального назначения; ту же картину мы видим и в «аудиенц-зале» маргианского дворца.

Если интерьер первого помещения «аудиенц-зала» (пом. 194) отличался скромностью и, кроме белой побелки, был совсем не украшен, то стены второго зала (пом. 188) сохранили так называемые «слепые окна» – специальные широкие и глухие (а не сквозные) ниши, углы которых имеют фигурные оформления в виде трех выступающих зубчиков. Точно такие же «слепые окна», но гораздо более раннего времени (IV тыс до н.э.) известны в Северной Месопотамии (Тепе-Гавра), где прослеживается последовательная линия их развития. «Слепые окна» в качестве алтарей украшают митаннийский храм в Телль Браке⁴, а для начала I тыс до н.э. они известны в приурмийском районе, в Хасанлу и Баба Джан⁵, а также в Восточной Анатолии в монументальном сооружении Тилля Тепе⁶. В Центральной Азии они ранее конца III тыс. до н.э. не известны, зато одновременно появляются в монументальной архитектуре Бактрии (Дашлы-3) и Маргианы (теменос Гонура, храм огня Гонура), что, вероятно, указывает на их распространение здесь в результате внешней инвазии. Доказательством тому служит хронологический приоритет храмов со «слепыми окнами» в Тепе-Гавра, так что есть веские основания считать их нововведением древних северомесопотамских архитекторов. Расположенная напротив вторая стена «аудиенц-зала» декорирована четырьмя чрезвычайно узкими вертикальными стенными нишами, близко напоминающими такие же в тронном зале Кносского дворца⁷. И хотя точное

³ Woolley L. Alalakh. Oxf., 1955. P. 225.

⁴ Oats D. Excavations at Tell Brak // Iraq. 1987. XLIX.

⁵ Dyson R. The Iron Age Architecture at Hasanlu: An Essay // Expedition. 1989. V. 31. № 2–3; Coff C. Excavations at Baba Jan // Iran. VIII. 1970. Fig. 3.

⁶ French D. Tille // Kazi Sonclari Toplantisi. V. I. Ankara, 1986. Fig. 1.

⁷ Niemer W. On the Function of «Throne Room» in the Palace at Knossos // The Function of the Minoan Palaces. Goteborg, 1987. Fig. 1.

Рис. 4. Дренажная система на дворцовой площади

назначение «слепых окон» и порогов с центральными столбами не вполне ясно, все эти архитектурные детали несомненно указывают на особое назначение таких помещений маргианского дворца, где могли проходить парадные приемы.

Два других прохода, расположенные напротив пропилеев, ведут из «аудиенц-зала» во внутренний холл (пом. 119), две стены которого декорированы такого же типа узкими вертикальными нишами, откуда путник, дважды повернув налево, попадал в обширный тронный зал (пом. 196). Здесь, в торцовой стене напротив входа, в хорошо сохранившейся нише мог стоять трон, на котором восседал правитель древней страны Маргуш (рис. 6). Интерьер тронного зала отличался определенной простотой и скромностью, если не считать специальных парных ниш в виде «ласточкиного хвоста», устроенных в каждом из четырех углов, а также белоснежной гипсовой обмазки, местами сохранившейся не только на стенах, но и на полу. Отметим, что такие архитектурные детали в виде «ласточкиного хвоста» известны еще в знаменитом дворце Мари в той же Сирии.

Назначение трех помещений, расположенных непосредственно за тронным залом, но не соединенных с ним общим проходом, не совсем ясно. Судя по тому, что центральное из них (пом. 197) имеет проход, ведущий наружу, есть все основания предполагать самостоятельное назначение всего этого микрокомплекса. Центральное помещение соединяется общим проходом с небольшой прямоугольной комнатой, в западной стене которой устроен двухкамерный очаг, что может указывать на связь всего

Рис. 5. Аудиенц-зал. Проход с порогом, в центре которого стоит человек

этого микрокомплекса с культовыми жертвоприношениями. Следует отметить, что восточные фасы пом. 119, 196 и 197 образуют внешний восточный фас дворца, который сообщается с комплексом келий широким и фигурно оформленным проходом, устроенным в середине восточной стены внутреннего холла (пом. 119).

Через широкий проход из того же внутреннего холла, но повернув направо, путник попадал в небольшой вестибюль (пом. 154) с двумя внутренними нишами, а из него – в «комплекс ритуальных жертвоприношений». Главное, центральное помещение этого микрокомплекса (пом. 185) декорировано изнутри шестью попарно расположенными «слепыми окнами», свидетельствующими о его культово-церемониальном назначении. Почти в его центре на песчаной платформе толщиной до 30 см возведен необычно крупный но размерам двухкамерный очаг с небольшой топкой, отделенной от второй камеры невысокой перегородкой.

Проход из этого помещения ведет в несколько других небольших помещений, составляющих один комплекс благодаря соединяющим их общим проходам (пом. 189, 190, 192, 193, 200, 248, предположительно и 170), причем в двух из них (пом. 192 и 193) также устроены двухкамерные очаги, вделанные в разграничивающую их, но общую стенку. Кстати отметим, что такая конструкция очагов, позволяющая огню касаться жертвенного мяса, которое находилось в расположенной рядом второй камере, явно не случайна и может быть вызвана ритуалами жертвоприношений, существовавших у древних зороастрийцев. Об особом назначении таких двухкамерных очагов с невысокой перегородкой, позволявшей огню касаться жертвенного мяса, свидетельствует устройство аналогичного очага в пом. 100 «храма огня» на том же Северном Гонуре, где он, в сочетании с пятью «слепыми окнами» украшал интерьер отдельно устроенного святилища⁸. Очевидно, весь рассматриваемый микрокомплекс дворца Северного Гэнура представлял собой небольшую дворцовую часовенку, где царь мог совершать ежедневные богослужения, сопровождаемые жертвоприношениями.

⁸ Sarianidi. Op. cit. Fig. 63.

Рис. 6. Тронный зал. Человек стоит у его входа

Не исключено, что с этим же микрокомплексом связан расположенный рядом «церемониальный зал» (пом. 170) в обводе коридоров (пом. 171–173), на что, помимо его больших размеров, может указывать необычная планировка. По существу помещение имеет лишь две стены (северную и южную), в то время как восточная и западная представляют собой открытые проходы с широкими и невысокими порогами и деревянным столбом в центре того же типа, что и вышеупомянутый порог в «аудиенц-зале». Помещения такой планировки в монументальной архитектуре Ближнего Востока нам пока не известны, если не считать до некоторой степени сходное по планировке здание в Мохеджо Даро, определяемое как культовое, во дворе которого располагалось центральное здание без двух стен в обводе коридоров⁹. Не доказано, но в высшей степени вероятно, что культовые церемонии, начинавшиеся в «комплексе ритуальных жертвоприношений», завершались в этом центральном зале. Из того же холла (пом. 119) через еще один чрезвычайно широкий проход с раскрепованными углами и невысоким порогом с центральным столбом (предполагающим двойные двери) путник мог пройти в помещение 118 (своеобразный вестибюль), а проход из него вел в смежное обширное помещение 117, в южной части которого располагались еще два прохода, соответственно приводившие в два отдельных микрокомплекса.

Восточный микрокомплекс (пом. 224, 229, 230, 233–237, 239, 240, 253–255, 339, 411, 414, 416, 456) представляет собой «царскую резиденцию», где проживала царская фамилия. Весь этот жилой микрокомплекс разделен цепочкой небольших прямоугольных помещений (234, 239, 237, 456) на две равные части. Центральное место в северной половине занимает пом. 253 с пристенным очагом и проходом, ведущим в соседнее пом. 233 с двухкамерным очагом, устроенным в стене. Возможно, особое значение имеет и пом. 339 со своеобразным подиумом в северной торцовой стене с нишей, украшенной сквозными амбразурами, из которых хорошо просматривался расположенный напротив «комплекс келий».

⁹ Dhavalikar M., Atre S. The Fire Cult and Virgin Sacrifice: Some Harappan Rituals // Old Problems and New Perspectives in the Archaeology of South Asia / Ed. J.M. Kenoyer. Wisconsin, 1989. Fig. 20, 4.

Расположенный напротив микрокомплекс, судя по его проходам, обращенный во внутренний двор (пом. 108), не имеет прямого отношения к «царской резиденции». Проход в него из того же внутреннего холла (пом. 119) ведет в небольшой вестибюль (пом. 18), а через широкий проход с раскрепованными углами и центральным столбом можно попасть в пом. 93, интерьер которого украшен двумя «слепыми окнами». Назначение этого микрокомплекса неясно, но не исключено, что он был функционально связан с рассмотренным выше «комплексом ритуальных жертвоприношений».

Южная половина «царской резиденции» включает несколько помещений с соединяющими их проходами, имевшие скорее всего жилое назначение. Большее из них (пом. 41), и видимо центральное, могло служить внутренним двором, ограниченным с юга обводным коридором (пом. 230) с тремя проходами, ведущими на своеобразную площадь. Отсюда царская фамилия по специально устроенной улице могла пройти через восточные ворота (не выходя из дворца) прямо в одновременный дворцу храм огня, расположенный за восточной стеной кремля.

Узким обводным коридором от «царской резиденции» отделен «складской комплекс», состоящий из трех смежных, прямоугольно вытянутых помещений (пом. 115, 210, 221), на полу одного из которых сохранился толстый слой зерен пшеницы. В окружающих их, но много меньших по размеру помещениях этого же комплекса находилось по нескольку десятков крупных тарных сосудов (явно предназначенных для хранения продуктов), некоторые из них были закопаны глубоко в пол.

В западной части кремля рядом располагаются два обширных двора «А» и «Б» (рис. 7), причем внутренний двор «Б» заключен в обвод коридоров и в северной стене сохранил два «парадных прохода» с раскрепованными углами. К северу и югу от них, друг против друга, располагались два «песчаных комплекса» – пока что они представляют для нас интригующую загадку маргианских архитекторов. Оба комплекса состоят из ряда совершенно глухих, без дверных проходов, помещений, неоштукатуренных и сплошь заполненных внутри чистым речным песком. На верх обоих «песчаных комплексов» путник мог попасть, только поднимаясь по широким четырехступенчатым лестницам, ведущим на две песчаные площадки, выше которых, видимо, поднимались массивные кирпичные «колонны», занимавшие в силуэте обоих «песчаных комплексов» доминирующее вертикальное положение. На верху таких «колонн» могли располагаться своего рода «помосты», позволявшие древним астрономам вести наблюдения за небесными светилами. Во всяком случае, в вышеупомянутом дворце в Алалахе, где также имеются подобные «колонны», вокруг них, как предполагают, были винтовые лестницы, которые вели на верх здания. Однако следует прямо указать, что подлинное назначение «песчаных комнат» дворца Гонура, в монументальной архитектуре Ближнего Востока более нигде не известных, остается не до конца ясным.

Рядом с этими двумя сооружениями располагается небольшой «комплекс погребальных ритуалов» (пом. 16, 42, 44–46, 48, 54, 81, 83, 163), единственный вход в который идет из двора «А». Комплекс представляет собой ряд соединенных общими проходами небольших узких комнат, центральное место среди которых занимает пом. 54 типа внутреннего двора. Среди остальных помещений выделяется небольшая квадратная комната (пом. 48) с круглым очагом в центре и многочисленными глубокими стенными нишами с камином между ними. Подобные отопительные камины часто использовались в обычных бытовых помещениях, но в отличие от них этот не обожжен, а лишь слегка закопчен изнутри, как если бы в нем чадила лампада.

Видимо, парадными были три помещения (81, 83 и 163), интерьеры которых, в том числе полы, оказались покрытыми белой алебастровой обмазкой. В помещении 81 на каком-то этапе его функционирования у самого пола в стене было пробито отверстие, куда были вставлены три керамические трубы, образовавшие небольшую дренажную систему. Не исключено, что здесь происходили погребальные ритуалы, связанные с обмыванием трупов, так что использованная вода через этот дренаж могла выводиться наружу. Это тем более вероятно, если учесть, что между этим и выше-

Рис. 7. Двор "А" и "Б" во дворце

упомянутом пом. 48 располагается чрезвычайно узкая камера (пом. 55) с проходом в середине, где, возможно, во время многодневных погребальных обрядов хранился труп. Имеются веские основания считать, что древние маргушцы старались оградить чистую «стихию» – землю от осквернения ее мертвым телом. Заключительные погребальные обряды могли проходить в помещении с нишами (пом. 48), которые, кстати, были устроены не сразу, а на позднем этапе существования дворца, возможно, одновременно с устройством вышеупомянутой дренажной системы.

Назначение обширного пом. 161 с массивной кирпичной пристройкой у восточной стены остается не совсем ясным.

Осталось отметить «административный комплекс» в юго-восточном углу гонурского кремля (пом. 266, 269–271, 274, 306, 307, 346, 347, 350, 355, 427, 428, 432, 434, 441, 443, 444, 447, 452 и др.), основу планировки которого составляет огромный Т-образный коридор (пом. 350, 427, 453) с расположенными вокруг него большими правильной конфигурации помещениями явно нежилого назначения. Здесь могла находиться дворцовая администрация. Видимо, чиновники проживали в расположенном рядом микрокомплексе (пом. 50, 51, 306, 307, 393, 397, 415, 417, 418, 421, 422, 439, 431), состоявшем из обычных жилых и хозяйственных помещений. Показательно, что весь этот микрокомплекс был отделен от дворцового улицей, ведущей к восточному фасу кремля, к «храму огня».

Наконец, в противоположном, северо-восточном углу кремля располагается «комплекс келий» – загадочное кареобразное сооружение (пом. 381), состоящее из длинных, чрезвычайно узких, высотой до 1 м камер, условно названных «кельями» (рис. 8). Тот факт, что комплекс был вынесен за пределы собственно дворца, но находился в системе кремля в специально огороженном месте, указывает на особое назначение «комплекса камер», не имевшего прямого отношения к самому дворцу. Внутри келий были тщательно обмазаны слоем глиняной штукатурки и перекрыты сверху сплош-

Рис. 8. Комплекс келий. Общий вид

ным, общим для всех них «потолком» (рис. 9). К моменту раскопок входы в них оказались заложены сырцовыми кирпичами – местные жители практиковали это лишь в особых случаях и всегда применительно к сооружениям культово-религиозного назначения (алтари, хранилища священной золы и т.д.) во избежание возможного осквернения их в последующее время. Сходные (но много больших размеров) сооружения известны в храмовой архитектуре Хеттского царства в Малой Азии, так что «комплексы келий» могут представлять собой хотя и уменьшенные, но реальные копии тех священных зданий, которые некогда были широко распространены на бывшей родине пришедших в Маргиану племен.

Дворец Северного Гонура уникален не только в системе Центральной Азии, но и всего Ближнего Востока. Его общая планировка представляет собой подлинную архитектурную симфонию (рис. 10). Дворец отличается развитыми, симметричными и пропорциональными архитектурными формами, а это предполагает предшествующую многовековую линию развития монументального зодчества, которая не находит своих корней в Центральной Азии. Вместе с тем приведенные выше параллели отдельных архитектурных блоков маргианского дворца указывают на Северную Месопотамию и в первую очередь на Левант, где, по мнению многих специалистов, местная монументальная архитектура сложилась под сильным влиянием монументальной архитектуры эгейского мира. Есть все основания считать, что пришедшие оттуда в Маргиану племена принесли с собой в качестве «архитектурной памяти» и свои традиции древнего зодчества, как культового, так и светского. Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время все эти взаимные параллели лишь намечают общие контуры возможных аналогий, конкретизация и уточнение которых остается делом будущих археологических изысканий.

Дворец Северного Гонура погиб в огне тотального пожара, судя по всему в результате нападения врагов, и хотя затем был частично восстановлен и какое-то время еще продолжал функционировать как дворец, дни его были сочтены. После окончательного запустения руины дворца приспособлялись поселянами под жилье, для чего бывшие великолепные и пышные залы разгораживаются на маленькие комнатухи и хозяйственные пристройки. Много позже и жители уходят с этой территории, и она

Рис. 9. Внутренняя часть келий

Рис. 10. Общий вид дворца

превращается в большое кладбище. Бедняки, обжившие руины, подбирали все, что еще осталось от бывшего величия и великолепия гонурского дворца, и тем не менее при раскопках отдельных дворцовых помещений были найдены обрывки фигурно вырезанной золотой фольги, гипсовые фрагменты крыльев от небольших скульптур каких-то фантастических животных. Особый интерес представляет мраморное навершие скипетра с рифленой поверхностью диаметром 17 см, самое большое из известных изделий подобного рода в Центральной Азии. Не исключено, что это навершие, как и сам скипетр, принадлежало царю, некогда правившему всей Маргианой из этого дворца.

Дворец Гонура заставляет решительно пересмотреть старые взгляды на общественную жизнь Маргианы. Нет никаких сомнений, что здесь уже существовала царская власть, сложная социальная стратификация, возможно, включавшая начальные формы рабства. И хотя Гонур не имел внешних оборонительных стен, есть все основания считать его подлинным городом, центром местной округи, в полном согласии с определением древнего города, которое много лет назад было предложено И.М. Дьяковым.

THE PALACE OF NORTHERN GONUR

V.I. Sarianidi

The discovery of the palace in Northern Gonur, this true political capital of the land of Margus (ancient Margiana) presents an indisputable evidence of a highly developed social life here in late IIIrd mill. BC, implying royal power and primitive slavery.

Elaborate layout of the official rooms in the king's residence, of the buildings where ritual ceremonies (including the burial ones) took place and of the administrative complex, as well as some other data indicate centuries-old traditions of monumental architecture. We have all the grounds to suppose that these skills had been brought hither by the tribes who moved to this land from Northern Mesopotamia. Having colonized the Murgab delta, they maintained their old traditions, including that of monumental architecture.